

Владимир Положенцев

*Из дневника Василия
Трубкина, человека
во всех отношениях
порядочного
и честного*

Юмористические рассказы

Владимир Положенцев
Из дневника Василия Трубкина,
человека во всех отношениях
порядочного и честного

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18011948
ISBN 9785447465971

Аннотация

Не делайте из жизни трагедии, граждане, она гораздо смешнее любого юмористического рассказа... Как писал великий Григорий Горин: «Улыбайтесь, господа, улыбайтесь!»

Содержание

Из жизни самого Василия Трубкина	5
Имбецил	5
Маргарита	12
Старуха	33
Черная кошка	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

**Из дневника Василия
Трубкина, человека
во всех отношениях
порядочного и честного
Юмористические рассказы
Владимир Положенцев**

© Владимир Положенцев, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Из жизни самого Василия Трубкина

Имбецил

После того как закончился проливной дождь и остро запахло распутившимся тополем, я пошел в универсальный магазин через дорогу. Возле входа, у припаркованных под запрещающим знаком машин, суетился странный молодой тип в цветастой рубашке, зеленых штанах и улыбкой счастливого, но недалекого, мягко выражаясь, человека. За его плечами висел школьный рюкзак. В руках он держал блокнот и ежесекундно наклоняясь, словно близорукий, к капотам автомобилей, переписывал их номера. При этом что-то бурчал себе под нос и довольно почесывал дешевой авторучкой нос. Между его ног металась длинномордая собачка, похожая на таксу.

Из крутого синего внедорожника с гигантскими колесами вылез толстяк с короткой стрижкой на квадратном черепе, якорной золотой цепью под кадыком, выплюнул жвачку.

– Тебе чего надо, ты кто такой, имбецил? – с презрительным вызовом окликнул явный браток суеющегося переписчика.

Тот ничего не ответил, лишь мельком взглянул на амбала и еще шире заулыбавшись, продолжил свое дело.

– Нет, ну вы поглядите на него! – возмутился браток и сделал шаг вперед. – Ничего понимать не желает!

Точно сейчас чудачку достанется, подумал я, а ведь сразу видно, что юродивый. Братку то что, двинет кулаком и уедет, а бедняга наверняка опять в больнице окажется. И, скорее всего, уже не в психиатрической. Нет, жалко беднягу, надо спасти пока не поздно, не имею права пройти мимо, все же я порядочный человек.

Подошел я сзади к хозяину внедорожника, тронул за локоть:

– Это сотрудник транспортного отдела управы, вчера его там видел. Переписывают номера неправильно припаркованных автомобилей у магазинов, потом сразу в суд направляют. Штрафы, говорят, страшные и не отвертишься, сам Шойгу контролирует.

Брякнул про Шойгу и язык прикусил – при чем тут министр обороны! Но, видимо, тип слабо разбирался в структуре отечественной власти, сбросил напряжение в мышцах, уставился на меня полупрозрачными, как кварцевые камушки, глазами:

– Из управы, а что же на имбецила похож?

– Там все такие, – вздохнул я, поймав себя на мысли, что говорю искренне.

– Это правда, – обрадовался понравившимся словам бра-

ток и сам заулыбался так незатейливо, будто долгое время лежал в одной палате с переписчиком. – Ну их к черту.

Толстяк шустро развернулся на тумбообразных ногах, кряхтя залез в «Ровер», завел дизельный двигатель и с ревом укатил прочь. «Сотрудник управы», казалось, и не заметил для себя потери, ему вполне хватало других машин, номера которых он, видимо, уже переписывал по десятому разу.

Один ему не навалял, другой в ухо даст, вздохнул я. Жаль чудака, ладно, хоть от братка спас, тот бы с ним церемониться не стал. Сделал доброе дело, может, зачтется.

Я вошел в магазин и пробыл там без малого полчаса. То пиджак присматривал, то джинсы мерил, а потом пельмени в продуктовом отделе выбирал.

Человек со счастливым лицом и зеленых штанах продолжал неустанно водить авторучкой по блокноту. Я решил немного понаблюдать со стороны. К нему подходили, ругались, но явной агрессии не проявляли, вероятно, в определенный момент догадывались с кем имеют дело. Когда почти все машины от входа в магазин разъехались, я все же решился подойти к нему. Любопытно и немного страшно – покусает еще, потом уколы от бешенства делай. Шутка. Откашлялся, вежливо спросил, зная что с психами, а тем более по выражению братка, имбецилами, нужно говорить осторожно, аккуратно, а главное спокойно и как с равными:

– Извините, ради бога. Уже час наблюдаю, как вы переписываете номера автомобилей у магазина, наверное, до дыр

блокнот одними и теми же цифрами протерли. Для чего вам?

Чудак опять растянулся в широченной улыбке и взглянул на меня, черт побери, вполне осознанным, нормальным взглядом. Как молнией прошибло – так он, оказывается, не псих! И не пьяный. Чего же ему тогда тут надо?

– Вы будете смеяться, – сказал парень, – но я действительно из управы.

– Как так?! – невольно вырвалось у меня. Неужели я и в самом деле оказался прав, что там все такие?

– Да, из районной управы, – подтвердил свои слова чудак в зеленых штанах. – Только я

не сотрудник, а добровольный помощник. Один из тех, кому важно, что происходит в городе. Я активный гражданин, слышали о таком социальном проекте?

– Конечно, слышал, – выдавил я из себя, неприятно пораженный тем, что человек, несмотря на мою убежденность опытного психолога, оказался вовсе не дебилом. – Только странно вы себя как-то ведете для активного гражданина.

– Отчего же?

– Ну... улыбайтесь постоянно, номера демонстративно переписываете, в штанах опять же зеленых... И вообще не пойму смысла вашей акции.

– Тогда извольте выслушать, – спрятал парень блокнот в карман рубашки. Первое – номера нарушителей, мы, разумеется, никуда не отправляем. Действуем исключительно психологическим методом. В следующий раз автолюбитель

вряд ли поставит машину в неположенном месте, он подумает ровно то, что подумали про меня вы.

– Вообще-то я решил, что вы...

– Знаю, тронутый на оба полушария, но бугаю из внедорожника вы сказали то, что обычно приходит в голову остальным гражданам – возможно дурак, а возможно и имеет полномочия, так что лучше не связываться и убраться скорее по добру по здорову. Что и сделал квадратноголовый. С вашей подачи, спасибо. А штаны и рубашка-чтобы сразу обращали внимание и побыстрее сматывались. Видите, почти никого у магазина не осталось. Экология в безопасности. Так что старания наши не напрасны.

– Да, уж, – не нашелся я сказать ничего более умного. – Но ведь побить могут.

– Конечно, могут. И уже случалось, правда, не со мной. Что поделаешь, такова участь активного гражданина. Ладно, нечего больше тут, пойду к метро, там товарищи мои работают.

Я стоял и, разинув рот, смотрел вслед странному парню в зеленых штанах и цветастой рубашке. По виду имбецил, а оказывается порядочный человек, болеющий всей душой за родной город. Откуда-то из-за угла вынырнула такса, державшая в узкой пасти что-то типа мужской сумки. Запрыгнула на руки парню, он посадил ее себе за спину, в рюкзак; и так и пошли – довольные и безмятежные. Эх, плохой ты все же психолог, хоть и общался за свою жизнь со многими

проходимцами, укорил я себя.

Сзади раздался визг тормозов, я машинально отскочил в сторону, оглянулся. Прямо за моей спиной дымились колеса синего «Ровера», из окна которого торчала квадратная голова братка.

– Где этот имбецил?! – не вылезая из машины, задержал он кадыком, опоясанным цепью.

– Кто?

– Ну, этот дебил из управы, с собачкой. А-а, так ты с ним за одно, теперь все понятно.

Браток невероятно ловко выпрыгнул из автомобиля и не успел я моргнуть своими синими глазами, схватил меня за шиворот куртки. Задышал в лицо чесноком:

– Ты ведь мне сказал, что он из управы.

– Я. Нет, не я. Я сказал, что видел его там. А в чем, собственно, дело? – о чем-то смутно догадываясь, заволновался я.

– Меня, старого следака с Петровки, как последнего лоха развели! – почти криком обращался квадратноголовый толстяк к прохожим. – Ай-ай, стыдоба! И кто! Прыщавый имбецил с этим, как тебя...?

– Так вы мент, простите, как его, полицейский?

– Я-то полицейский, а вот ты, прохиндей, на дыбе расскажешь мне не только свою криминальную биографию, но и как Фарадей открыл электричество.

– Так у вас сумку украли? – наконец, оформил я свои мыс-

ли.

– Барсетку с тремя тысячами евро.

– Незачем столько с собой носить.

– Что?

– Теперь и я все понял. Вот это да! Пока парень в зеленых штанах выводил из себя автолюбителей, его пронырливая собачка воровала из салонов машин сумки. А я-то! Я-то подумал, что вы ему, болезному, физиономию хотите начистить, потому и выгородил, сказал, что видел его в управе. А ни в какой управе я его не видел и более того, там лично никогда не был.

– Где он?! Дайте мне его! – затрубил на всю округу, словно раненный мамонт, обворованный следователь.

– К метро пошел, – махнул я рукой в сторону красной буквы «М». – Если поймаете этого активного гражданина, сильно не бейте. Казалось бы, обычный барсеточник, а все же ловко он вас провел. И меня тоже. А опыт в вашей и моей профессии дорого стоит.

– Ты кто?

– Я? Да как вам сказать. Просто порядочный человек.

Через минуту, когда синий внедорожник уже дымил дизелем возле метро, сложив ладони рупором, я крикнул: «Имбецил!» А кому адресовал это нелестное определение – шустрому парню в зеленых штанах или следователю, похожему на братка, я и сам не знал. Может, и себе.

Маргарита

Духота навалилась на город с самого утра, а часов в 10 вообще нечем стало дышать. Сначала я покосился на кондиционер, от которого уже ломило шею и правую руку, потом на ноутбук, где висел текст незаконченного рассказа. Нет, работать в таких условиях решительно невозможно. Что-то подтолкнуло в спину, будто невидимыми кулаками, быстро собрался еще точно не зная куда, сунул ноутбук в сумку и почти выбежал из пропаренного тропическим летом дома. Лишь на перекрестке четко осознал куда меня так внезапно понесло. Спустился в метро и через сорок минут вышел в Сокольниках.

Парк «Сокольники» встретил меня освежающей прохладой и изумрудной зеленью старых сосен, вязов и бог знает еще каких деревьев. Брызги поливочных фонтанчиков остро пахли скошенными травами, откуда-то из зарослей ветер приносил ароматы роз и сирени. Благодать.

Свернул с центральной аллеи, побрел по узкой дорожке, уходящей неизвестно куда. Приглядел раскидистую березу, опустил на чистую лавочку с привинченной железной табличкой – «Не курить!».

А я и не курю! – гордо подумал я, блаженно втянув в легкие прозрачный парковый воздух, – уже две недели. Сколько продержусь неизвестно, мучить себя до изнеможения не бу-

ду, если уж подождет до жабр, закурю, но это все равно победа после долгого торжества надо мной никотина.

Достал ноутбук, еще раз втянул ноздрями райский воздух, стал вспоминать на чем остановил свой рассказ.

Она появилась незаметно, во всяком случае, я не слышал как подошла, опустилась рядом мифической птицей. Девушка была в изумительном белом платье почти до щиколоток, с розовыми бретельками, завязанными на узел на чистых плечиках, в греческих сандалиях, не скрывающих её изящных стоп и, видимо, недавнего перламутрового педикюра.

Да, барышня понравилась мне сразу, именно нижней частью ножек, потом уже обратил внимание на все остальное. Скажу вам со всей ответственностью – не общайтесь с женщинами, у которых мужской размер ноги, они или лесбиянки или упрямые, словно тысяча ослиц. Так вот о ней, да... Лицом она была довольно обыкновенна, смазлива, с прической кажется, гарсон, длинным, подтравленным перекисью русым чубом до края скулы. Но имела в загорелом лице некую пряную, чайную особенность, которая отличает рядовое создание от уникальной личности и если вовремя не спрятаться, не закрыться, наполняет этой пряностью всю твою душу. И как ни старайся, потом не проветришь. Не могу сказать, что она меня околдовала, но взволновала несомненно, хотя я и не видел ее глаз. Они были спрятаны за темными солнцезащитными очками с желтыми душками, которые выбирались явно с хорошим вкусом и ей очень шли.

По возрасту – студентка 2—3 курса, не из бедной семьи; ее левое запястье небрежно украшали явно недешевые часики.

Девушка расстегнула замшевую сумочку, вставила в рот сигарету. Меня удивило то, что это была не тонкая сигаретка с золотистым ободком на фильтре, какими обычно балуются барышни ее возраста, а обычная толстая сигарета из желтой пачки «Кемэл», то есть самая крепкая. Она повернула ко мне свою изящную головку и спросила вполне музыкальным, каким я и ожидал, голосом:

– Не могли бы дать мне прикурить?

Я был несказанно рад её обращению ко мне, а еще тем, что могу похвастаться, что не курю уже почти месяц.

– С удовольствием, но я бросил, – не оборачиваясь, ответил я, очень боясь, что после такого ответа она встанет и уйдет. Черт, кажется, не вовремя завязал.

Но она не ушла, а смотрела на меня довольно продолжительное время, не отрываясь, сквозь темные очки; вдруг решительно сказала:

– Тогда и я брошу. Зачем мне одной?

У меня невольно дернулся глаз. Это что, бог послал мне Маргариту? Та швырнула на мостовую желтый букет хризантем, потому как они не понравились Мастеру, а эта решила отказаться из-за меня от табака? Чудеса, конечно, бывают в жизни, но не такие же. Зачем я ей, когда я чуть ли не вполтину старше её? Хотя Маргарита не спрашивала возраста Мастера. А эта вдруг спросила:

– Сколько вам лет?

Я почувствовал себя ужасно неловко, захотелось встать и уйти к чертовой матери. Для чего продолжать диалог, который все равно ни к чему хорошему не приведет? Но что-то держало на месте, будто я был приколотен к скамейке. Фрейд сказал бы, что основным инстинктом, я бы добавил – еще и страхом. Из-за страха, боязни перемен мы часто проходим мимо своего счастья, но именно благодаря ему, мы, бывает, не упускаем его из рук. Я, как порядочный человек, должен был ответить честно, ответил же неожиданно для себя уклончиво:

– Я нахожусь в том возрасте, когда всё еще могут, но не всё из того что могут, уже хотят. И вообще считаю, что жизнь – до сорока, а потом на собачьи консервы.

С её носа начали сползать очки, однако так и не открыли глаз, всего лишь обнажили верхнюю кромку мягких перышек бровей.

– Вы очень категоричны и несправедливы к себе.

Поняла, наконец, что я давно не юный Вертер, тем лучше. Чего же тебе еще от меня, красотка? Теперь захотелось или убежать в кусты, или тут же поцеловать её в засос, до стонов и удушья. Тьфу, жаль, что нельзя. Или можно? Сидел, как на иголках и до боли тер о зубы язык.

– Как же вам удалось бросить курить? – задала она очередной вопрос.

Признаться, что от чрезмерного курения случилась ди-

стония сосудов головного мозга, оттого со страху и завязал, не осмелился. Какой даме нравится, когда мужик рассказывает о своих болезнях?

– Просто захотелось в жизни перемен, – соврал я и тут вспомнил, что в сумке должна валяться зажигалка. Нашупал её в нижнем кармашке, поднял к ее лицу:

– Прикуривайте.

– Вы же бросили.

– Плевать, – невежливо отозвался я. – Резко бросать нельзя. Никотин встраивается в биохимические и физические процессы организма и никотиновое голодание способно нанести более сокрушительный удар по здоровью, нежели курение. Скажу больше, не курить для курильщика – опасно для жизни. Так можно и не дописать свой последний рассказ, – кивнул я на ноутбук.

– Но вы же бросили, – повторила она.

– Чего только не сделаешь по глупости, – совсем уж понесло меня не в ту сторону.

– Так вы писатель?

– Я? Как вам сказать... Писателями, считаю, можно называть только Гоголя, Достоевского, Чехова и еще пару гениев, у которых философия души удачно сочеталась с мастерством слова. Остальные же просто сочинители. Вот и я пытаюсь сочинять.

– Удачно?

– Кто ж его знает, себе не судья, а посторонние никогда

не дадут объективную оценку, на вкус и цвет, так сказать.

– Что пишете сейчас?

– Наблюдал на днях любопытную сцену: парень выдавая себя за внештатного сотрудника управы, демонстративно переписывал номера неправильно припаркованных автомобилей, а когда появлялись автовладельцы и начинали выяснять с ним отношения, его собачка воровала из машин сумки.

– Да, – вздохнула девушка, – жуликов развелось много. Дайте, пожалуйста, почитать.

Честно говоря, не хотелось мешать творчество и личные отношения, на которые я уже нешуточно рассчитывал. Женщины, если они не профессиональные редакторы, не могут оценить степень литературного таланта. У них слишком потребительское отношение к жизни, в том числе и к литературе.

Но она же, вроде, Маргарита, а я Мастер, как же отказать? Будь что будет. Не поймет, тем лучше, значит, случайно встретились и нам не по пути.

Вывел на экран текст недописанного рассказа, аккуратно положил ноутбук на колени девушки. Да, хороша, так и хочется обнять, чем же я ей приглянулся? Нет, не верю, но хочется верить, что мы соединились наконец-то, как две половинки яблока, разбросанные по разным земным полушариям. Что за чепуха, как половинки яблок могут быть разбросаны по разным частям света? Мечтай, да не заговаривайся.

А девушка погрузилась в чтение. Она читала внимательно.

но, сосредоточенно, иногда кивая моим или своим мыслям, отчего ее чуб слетал из-за уха и загораживал экран.

Кажется, нравится. И вдруг сказала, не поднимая головы:

– Принесите мороженого. С розочкой в вафельном стаканчике или бананового.

– Что? – сразу и не понял я, давно отвыкший от общения с особами, питающимися мороженым.

– Мороженого принесите, – повторила она почти повелительно.

– Ага. Мигом. А где его взять?

– Там, – указала девушка на кусты сирени.

Я взглянул в указанном направлении и действительно увидел на краю аллеи, за деревьями, белый угол ларька. Помялся. Как сказать Маргарите – извольте отдать ноутбук, вот вернусь с мороженым, тогда снова получите? Маргарита, можно сказать, всей душой ко мне припала, а я в нее плюну. Вспугнешь удачу, улетит за высокие горы и больше никогда не вернется. Нет, можно не доверять себе, но не доверять человеку, которому ты хочешь доверять, преступление перед природой, милостиво дарующей тебе потрясающие шансы.

Встал и пошел по дорожке из розового гравия, и даже ни разу не обернулся. У ларька взглянул на лавку. Сидела моя Маргарита все так же, немного сгорбившись, и внимательно читала. Надо бы сказать, чтоб не горбилась, а то заработает шейный остеохондроз. На кой мне больная Маргарита! Шутка.

С розочкой не было, взял три шарика бананового мороженого и шоколадку. Пива бы сейчас. Нельзя, вдруг ей не понравится?

Вышел на аллею и обомлел. На скамье никого не было. Пошел быстрее, потом побежал, шоколадка, которую я пытался засунуть в карман льняной куртки, упала на гравий, но поднимать не стал; до нее ли теперь! Где Маргарита, куда делась?

На лавочке ни ноутбука, ни сумки, ни вообще какого бы то ни было следа недавнего моего и ее присутствия. Опустился и тупо уставился на желтые шарики бананового мороженого. И что сие означает, меня просто тупо обокрали? Вдруг я рассмеялся, громко и дико, так что парочка, свернувшая было на аллею, немедленно повернула назад. Размечтался о кренделе небесном, Маргариту встретил, ага! Дурак дураком. Сколько жизнь была и все бесполезно, съездил в парк, дописал рассказик. И мобильный в сумке остался.

Побежал к ларьку, крикнул продавщице:

– Меня обокрали, срочно вызовите полицию!

– Нет проблем, – спокойно ответила мороженщица, скрылась за дверью, а когда вышла кивнула:

– Сейчас будут, ждите на месте преступления.

Когда вернулся к скамье, к ней уже с параллельной аллеи, через кусты пробирались полицейские. Вернее один, с рыжими усиками как у Пуаро, двое других были казаками в серых папах набекрень и нагайками за поясами. Оператив-

но, подумал я. И тут на перпендикулярной дорожке, там где стоял желтый туалет, расписанный синими динозаврами, появилась Маргарита.

– Живот разболелся, – сказала без доли стеснения Маргарита, – Второй день поносом мучаюсь, наверное, сметаны несвежей поела.

Полицейский учтиво закашлялся, казаки его поддержали. Я поморщился – мне совсем не хотелось знать о желудочно-кишечных проблемах Маргариты, если в женщине нет загадки, она тебе не интересна. Поторопился я с полицией, правильно говорила моя бабушка: кто поторопится, тот утопится. Грубо, но верно.

– И что же будем делать? – почесал под фуражкой Пуаро. – Оплатим ложный вызов или пройдем в отделение?

Да, ситуация. Из заднего кармана брюк достал две тысячи. Полицейский поморщился, но взял, махнул рукой своим помощникам – пошли.

Я устало опустился на скамейку, история переставала мне нравится. Как-то все не так. Но и с Маргаритой расставаться не хотелось. А она уже снова залезла в мой компьютер, распоряжалась им, как своим.

– Расскажите мне о себе, – вдруг попросила она.

Она знала куда надавить, психолог. Минут двадцать, без остановки я распинался ей о путешествиях в дальние страны и самых невероятных приключениях, происходивших там со мной. Она слушала внимательно, потом вдруг перебила:

– Мороженого хочу, клубничного.

Меня словно электричеством прошибло. Если честно, я этого ожидал, но не думал, что будет наверняка. Стало интересно.

Пошел к ларьку, через несколько секунд обернулся. Она помахала мне ручкой. Возле передвижного киоска, заказывая мороженое, я лишь ненадолго потерял её из виду, а когда взглянул на дорожку, Маргариты на скамейке уже не было.

– У нее опять понос? – спросил я у продавщицы.

– В каком смысле? – не поняла она.

– А в том, что только засранки мне в жизни не хватало.

Я просидел на лавочке минут двадцать, потом быстрым шагом направился к сортиру. Из дверей желтого заведения вышли пожилые дамы в бриджах, кажется, иностранки.

– Девушку в белом платье не видели? – в отчаянии спросил я. – У нее расстройство из-за сметаны.

Дамы от неожиданности отскочили в сторону, посмотрели на меня, как на полоумного и боком, кустами заспешили прочь. Тогда я, сделав несколько глубоких вдохов, решительно вошел в женский туалет. Внутри было свежо и пусто. Гулко капала вода из крана. Все кабинки открыты, но никого в них не наблюдалось. Из служебного помещения вышла тетка, всплеснула руками:

– А вам-то чего тут надо? Кругом извращенцы!

Вернувшись на лавочку, загрустил окончательно – не, ну и где эта чертова Маргарита, почему не отобрал у нее ноут-

бук, не вынул сотовый из сумки? Два раза на одни и те же грабли.

Ладно, придет, – успокаивал я себя. Но девушка в белом платье не появилась ни через час, ни через полтора. Разочарованию моему не было предела. Ну надо же быть таким болваном! Ничего не оставалось, как снова идти к ларьку.

– Вызывайте полицию, – сказал я продавщице.

– Нет проблем.

Де жа вю да и только.

На этот раз стражи порядка выросли словно из-под земли, будто ждали моего вызова.

– Ну-с, какие на этот раз проблемы? – спросил сержант с рыжими усами детектива Пуаро.

Я открыл было рот, но в этот момент на аллее показалась Маргарита. Я, конечно, не сдержался:

– Вы где были?!

– Почему вы на меня кричите? – зашмыгала она носом. – Второй день поносом мучаюсь, сметаны несвежей поела.

Мент и казаки опять дружно закашлялись.

– Это я уже слышал, – поморщился я. – Полтора часа вас жду, а у меня, может, дело важное.

– В аптеку ходила, за лекарством. В одной нет, в другую пошла, там очередь. А ноутбук с собой взяла, чтобы не украли.

И тут я крикнул на весь парк:

– У вас с головой все в порядке, девушка?!

Господи, думал наконец-то спутницу жизни встретил, свою Маргариту, ан, нет, опять идиотка клиническая попала, да еще с больным животом.

– Вы с поносами сами разбирайтесь, – сказал полицейский. – Платите штраф да мы пойдем. За второй ложный вызов... это, знаете ли, уже злостное хулиганство. Или в отделение.

Тьфу! – сплюнул я себе под ноги. Капля попала на дружинника, но он сделал вид, что не заметил.

Вторая моя заначка в 4 тысяч рублей находилась в кармашке сумки ноутбука. Протянул было половину, но Пуаро перехватил все, ухмыльнулся, погрозил пальцем.

А она опустила, как ни в чем не бывало на скамейку, попыталась открыть ноутбук. Но на этот раз я уж не позволил ей этого сделать. Схватил аппарат, встал, хотел было уйти, но не смог. У кого проблем с животом не бывает? Что же касается головы, так все бабы, как известно, на нее слабы. В конце концов не убежала ведь, вернулась, а деньги, черт с ними, счастья на них все равно не купишь.

И тут до меня дошло. Нет, ну надо же быть таким ослом! А еще дам этими парнокопытными обзывал.

Я снял с девицы темные очки, впервые взглянул в её янтарные, с красновато-медным оттенком глаза. Где-то читал, что такой цвет обуславливает пигмент липохром. Глаза явно ведьмачьи, не оторваться.

– Будем сами сознаваться, или как? – заглянул я на самое

дно её липохромовых озер.

На озерной глади не появилась ни одной волны.

– Будем.

– Мент с ряженными казаками и мороженщица твои подельники?

– Да. Я не хотела, но они меня заставили, сказали, что иначе отнимут квартиру. Отец-алкоголик, перед тем как умереть от цирроза, написал им какую-то доверенность и теперь они держат меня на крючке. Простите.

– Ничего не скажешь, оригинальный метод разводки – брать с лохов деньги, якобы за ложные вызовы полиции. А куда же смотрит настоящая охрана парка, наверняка ведь твои кореша попадают им на глаза?

– В доле.

– Ну да, все просто, как может быть просто только в России. Жаль. Нет, не денег, тебя жаль и себя. Я ведь почти поверил, что ты моя Маргарита. А могли бы быть вместе. Надо бы всю вашу теплую компанию в полицию сдать, да понравилась ты мне, загремишь на нары и тогда уж точно тебе конец. А я, если ты успела заметить, порядочный человек.

– Я верну деньги, оставьте мне номер вашего телефона, я положу их на электронный кошелек. Или, если хотите, еще раз встретимся.

– Вот уж нет! – вскочил я с лавки. Лицо мое пылало гневом, но я готов был расплакаться. Взял её за руку. – Ты меня ранила в самое сердце, я не желаю тебя больше никогда ви-

деть. И денег мне возвращать не нужно, пусть они жгут тебя незримым укором всю жизнь. Прощай.

Сказал про деньги, а сам подумал – шесть тысяч слишком дорого за один взгляд её янтарных глаз, к тому же когда до зарплаты, как от Земли до Юпитера. Только бы порисоваться перед самим собой. Ох, как плохо, что девушка оказалась обычной бандиткой. Заставили? Не верю!

В горле застрял кусок дерева, подошел к будке с мороженым, кивнул продавщице, как старой знакомой:

– Привет, полицию вызывать будем?

– Опять?

– Вам, как понимаю, чем чаще, тем лучше. Благодарите бога, что мне понравилась ваша подсадная утка, иначе париться бы вам всем на нарах лет по пять.

Тетка закрыла крышку с зеленым, видимо, фисташковым мороженым, заморгала глазами:

– Какая утка, в своем уме, гражданин? – и вдруг всплеснула руками, заходила упитанными боками. – А-а и вы в сети Марго попались.

– Марго?

– В белом длинном платье такая, вся из себя, хорошенькая и в темных очках.

– Точно, – сглотнул я.

– Марго из психиатрической клиники. Её погулять отпускают. Не знаю как уж девочку зовут на самом деле, только начиталась она Булгакова и вообразила себя Маргаритой. Под-

саживается здесь к умным с виду мужчинам и разыгрывает сцену встречи с Мастером. Те уши-то развесят и радуются, что свою судьбу наконец-то встретили, а она их на излом проверяет: попросит на время айфон или какой другой гаджет, отправит за мороженым, а сама исчезнет. Потом появляется и смотрит на реакцию кандидатов в Мастера. Ежели те полицию вызывают, значит, проверку не прошли. Непонятно кого на самом деле ищет, душа-то больная, но похоже так пока никого и не нашла. А вы полицию уже два раза вызывали.

– Значит, вы ей, полоумной, подыгрываете?

– Если из психушки, не обязательно полоумная.

– А менты?

– Что менты?

– Настоящие или тоже из дома скорби?

– Самые что ни на есть натуральные. Они по началу-то эту Марго в психушку отвозили, а потом поняли, что на ней можно неплохо подкармливаться. Вы сколько уже отдали?

– Неважно, – скрипнул я зубами.

Маргарита из психиатрической клиники, замечательно. Горло с досады сдавило так, что нечем стало дышать. Я замахал рукой и защелкал пальцами:

– Дайте нарзану, что ли.

Продащица ухмыльнулась, достала из шкафа бутылку с желтой этикеткой:

– Все словно по Булгакову. Нарзану нет, есть теплая аб-

рикосовая. Будете, нет?

Я выпил из горлышка почти всю бутылку, остатки вылил себе зачем-то на ладони, понюхал. Пахло отвратительно. Надеюсь, я тут не в роли Берлиоза? Видимо, менты и продавщице отстегивают. Хотя, какая разница, вляпался по самые уши, не отмыться. Вот история так история. И как я сразу Марго нее раскусил, сметаны несвежей поела, поносом мучается, ну кто об этом в открытую незнакомому человеку рассказывает? Тьфу! Короче, бежать отсюда и скорее, и никогда ноги моей в этом парке больше не будет.

Не попрощавшись с мороженщицей, и забыв сдачу с последних ста рублей на прилавке, я пошел в противоположную сторону от дорожки со скамейкой.

И тут из кустов вылетела она, Марго, упала передо мной на колени. Прохожие остановились, продавщица присвистнула.

– Прости меня, Мастер, – горячо заговорила Маргарита, обхватив руками мою правую ногу. – Я не сразу поняла, что ты – тот мой единственный, с которым я отправлюсь в вечное путешествие по вселенной.

Я готов был провалиться сквозь землю. И не отдерешь ведь силой, мало ли что у душевнобольной на уме – пырнет чем-нибудь или вены себе перегрызет. Тем не менее я пытался держать себя в руках:

– Как же, единственный, когда я не прошел твою проверку, Маргарита?

– Чепуха эти все проверки, я по глазам вижу, что ты мой Мастер. Только с тобой и больше ни с кем разделю я страдания и радости. Прими меня или убей!

Вот еще новости! Никого я убивать не собираюсь, – старался показать я всем своим видом. А зевак вокруг становилось все больше. Вдруг Марго выхватила из сумочки кривой нож с глубоким жёлобом и рукояткой протянула его мне.

«Кто бы передо мной на коленях в пыли валялся, – забубнил лысый дядька, – а этот ломается». «Да не стоит он вас, девушка!» – завидовал другой. «Прими у нее тесак от греха! – крикнула продавщица, – а я сейчас известный номер наберу».

Я взял нож, сунул его в карман. Попытался поднять Марго на ноги, но она поджимала их и попытки мои оказывались напрасными. Ментов и сейчас ждать долго не пришлось.

– Опять вы? – обрадовался сержант с усами Пуаро.

– Он, – подтвердил один из казаков. – Вот ведь неугомонный, сын Абрамовича, наверное. Встаньте девушка, так и простудиться можно, – взял он под локоть Марго. Но она вырвалась:

– А пришли, мироеды? Граждане, знаете сколько они с претендентов на мое сердце уже содрали? Столько и ограблением банка не заработаешь.

– Она сумасшедшая, – поднял обе руки сержант. – Пациентка психиатрической клиники имени Ганнушкина. Сейчас будем отправлять. Расходитесь, граждане, погода хорошая.

И тут меня подстегнуло – а что, собственно, я теряю?

«Нет, говорю я, граждане, она не сумасшедшая, а моя любимая и единственная жена! Поссорились, с кем не бывает, теперь вот миримся».

Маргарита вскочила на ноги, припала к моей щеке, горячо зашептала в ухо:

– Правда, жена?!

– Конечно, кто же еще, – ответил я и обернулся к сержанту:

– Не надо больше ничего говорить и делать, иначе я на вас жалобу в Службу собственной безопасности напишу. Не отчиститесь.

Мент разинул рот, но так ничего и не сказал, а мы с Маргаритой под ручку пошли к выходу из парка. Она прижималась щекой к моему плечу и чуть ли не постоянно его целовала. Господи, подумал я, почему так искренне влюбляться могут только сумасшедшие?

У метро я остановился, взял её за руку, помял пальчики, взглянул в янтарные глаза:

– Ну пока, Маргарита. Мне пора. Рад был познакомиться. Ты обязательно еще встретишь своего Мастера. Верь в это. То во что веришь, обязательно исполняется.

– Не врите, – сузила она по-кошачьи глаза. – То хорошее, на что надеешься, никогда не сбывается. Удача выныривает из-за угла и нередко с ножом. Только губы раскатаешь, она тебе и в горло этим железом.

С этими словами она протянула мне деньги:

– Ваши шесть тысяч. И достаньте из кармана нож, он у вас торчит лезвием вверх, не дай бог настоящие менты увидят.

Меня обожгло словно казацкой плетью, смоченной горилкой. Пытался подобрать слова, но так и не смог выбрать между «извольте объясниться» и «какого черта ты такое говоришь?» Она же дружески похлопала меня по груди, сверкнула изумительными янтарями:

– Не напрягайтесь, вы итак сегодня получили из-за меня изрядную дозу адреналина. Извините. Но вы творческий человек, вы поймете. Видите ли, Табаков набирает новый актерский курс в ГИТИСе, шансов к нему попасть мало, но очень хочется. Вот мы, студенты школы-студии МХАТ, решили потренироваться, вжиться в жизненные роли.

– Так вы не из психушки?! – наконец воскликнул я. – Слава богу.

И тут же опомнился:

– Вжиться в жизненные роли – идиотская тавтология. Это вы меня, порядочного человека, в качестве Ваньки-дурачка использовали? И менты, значит, и продавщица ваши актеры.

– Мороженщица – моя тетка, в детстве тоже театром увлекалась. Я из Мурманска, у нее пока живу, она и насоветовала в парке попрактиковаться. Дураков там, говорит, одиноких бродит много, сказочное раздолье для начинающих актеров. А мент и казаки, да: Петька, Юрка и Мишка. Ножик-то верните, мы его из реквизиторской позаимствовали.

Я вытащил кривой тесак с такой яростью, что от меня ша-
рахнулись бабка с дедом.

– На те, заберите. Что вам от меня еще надо?

– Обиделись? Но ведь было здорово!

– Чего же хорошего! Хоть бы облагородили действие пье-
сы. А то явление главной героини из сортира или из аптеки,
и монологи о больном животе, бездарность. Стражи поряд-
ка, так вообще уроды.

– Но вы же мне поверили!

– Я? ничуть. Ну, хотя, признаться...

– Ага, значит, поверили и ментам поверили, хотя Мишка
дурак приклеил усы, как у Пуаро, я же ему говорила, что
перебор. Но вы и это проглотили. Не говоря уж о том, что
на нем была старая полицейская форма.

Да, это точно, признался я себе, вспомнив его амуницию.
А ведь эти незакомплексованные ребята далеко пойдут.

– Что ж, удачной актерской карьеры, – горько произнес
я. – Вы даже не поняли, что оскорбили и унизили человека.
А ведь это так просто растоптать душу на асфальте, а потом
пройтись по ней коваными сапогами как по грязной луже.
Молодцы! Лучше бы вы были из сумасшедшего дома.

– Подождите.

– Пошла вон, дура! – вложил я всю свою природную желчь
и обиду в эти три слова, бросил на асфальт нож, резко раз-
вернулся на каблуках и скрылся в вестибюле метро.

На глаза набежали слезы. Напьюсь, решил я твердо.

Не успел налить себе полный стакан водки, в дверь позволили.

На пороге стояла она, подмигнула:

– Привет, Мастер. Я вернулась. Взгляни какие у твой Маргариты прекрасные ведьмины глаза, где ты еще найдешь такие?

– Как ты меня нашла?

– Плевое дело. В сумке для ноутбука была твоя визитка с номером телефона. Ребята пробили адрес по контрафактной базе данных. А рассказ твой полная дрянь, сожги его в камине.

– Тогда проходи.

Я не стал спрашивать, какие напитки она предпочитает в это время суток, просто разлил свою водку по двум стаканам. Выпили и молча смотрели в окно на взошедшую Луну, от которой к звездам уходила подвижная от жары золотая дорожка.

Старуха

Тысячу раз был прав Раскольников – все беды земные от старушек, от этих подлых, искушающих существ, не имеющих ни принципов, ни совести! Только они, старухи, толкают порядочного человека на преступление, не оставляя ему выбора между добром и злом, между совестью и животными инстинктами, потому как сами живут только последними, а светлых качеств иметь в себе и не желают. О, Достоевский с его слезой ребенка, с его формулой – не убий, мучился бы его несчастный студент муками совести, коль встретил бы на своем пути старуху ещё более мерзкую, более подлую и во всех отношениях отвратительную, нежели процентщица Алёна Ивановна, такую которую встретил я и коей был низвергнут в духовную бездну?! Пропал и сгорел, словно свечка в собственных глазах, и нет мне падшему никакого оправдания, а потому и прощения ни ныне, ни присно, ни во веки веков. А ведь могла эта подлая старушонка пройти мимо, но нет именно ко мне и подошла, именно меня и погубила. И ведь подкралась так тихо, сзади, когда не ожидал её коварного появления. Выросла, будто гриб после тропического ливня и тихонько так за мизинчик сзади ухватила. Ухватила и держит. Обернулся я и обомлел. Хотя нет, сначала не обомлел, а лишь удивился. Вполне себе приличная бабуля: маленькая, чистенькая, с благородными морщинка-

ми на смуглом, ровном личике, подвязанном ситцевым платочком, в глазах осмысленность, не свойственная большинству старух и даже некая ирония. Да. А ведь ирония во взгляде, господа, есть признак неспящего, вполне себе живого разума. Итак удивился я, а так как рядом находились церква и строительный магазин, говорю:

«Очень приятно ваше благожелательное отношение, расположение ко мне, так сказать, но помочь, к сожалению материально не могу, потому что сам, позвольте сообщить, нахожусь в довольно затруднительном финансовом состоянии».

Может, сказал и короче, но смысл тот же и стиль общения, извольте заметить, был именно такой, благородный. А она все держит мой пальчик, не отпускает и заглядывает мне прямо в душу своими синими, почти не выцветшими пуговками. Заглядывает и скребет там внутри что-то, а что не пойму, то ли душу, то ли селезенку. И вдруг открывает свои ведьмины уста: «А пойдем, говорит, голубчик прямо сейчас со мной, хочу, говорит, узреть прямо сейчас на что ты способен, а коли способен на что я рассчитываю, отблагодарить тебя материально от всей своей щедрой и уставшей обходиться без мужчины души».

Возможно, сказала короче, разве все в точности упомянешь после полученного шока, да только смысл подлый и искушающий был тот же. О, думаю, какая ты штучка! Вот это намеки! Хотя какие намеки, когда все открытым текстом. Так и обомлел я как стоял – да что же это делается, гражда-

не, думаю, мир совсем с ума сошел, когда старухи на улице подходят не стесняясь к порядочным мужчинам и предлагают самое что ни на есть непристойное. Тут и после недельного запою не осмелишься предложить ничего похожего прямо на улице, а тут на тебе, кушайте и извольте быть довольны неприличными предложениями. Гляжу ей в глаза, а там ни шевеления, ни смущения, видно, бабка привычная требовать посреди дороги подобные услуги. Нет, думаю, карга ты старая, твоё время ушло ещё до смутных времён, на кой ты мне такая красивая сдалась! Да и как я смогу с тобой быть? При одной мысли в дрожь бросает.

И тут – о, прав был тысячу раз Федор Михайлович, о подлая человеческая натура, ко всему-то привыкающая и на все-то из-за подлости своей готовая, о, низменные и слабые внутренние створы, выпускающие из клетки дьявола, твоего второго и главного я! А что, думаю, если плюнуть на свои устои. Временно, потихонечку, так, чуть-чуть. Бабка-то деньгу предлагает, подумаешь – пять минут отворачивания и новый телевизор, к примеру, для дачи, на меньшее и не соглашусь. Как?! – вскричал я внутренне, ты уже согласился? И тут же себя успокоил – конечно, нет, это так гипотетически, умозрительно, шальная фантазия. Смешно ведь – я и бабка. Хотя, что тут смешного, денег нет уже какой месяц и не предвидится, сижу на шее у жены как последний выжига, как хомяк на колхозном поле и жру на халяву. Стыдно и ужасно обидно, что порядочному человеку в нынешнее

время приходится как ни кому сложно.

Э-э, думаю, куда загнул, где себе оправдание отыскал. Нет бы шёл, коли ни на что теперь более не пригоден, вагоны разгружать или горшки из больницы выносить, ан нет, не охота, охота из себя благородного изображать и на старух ругаться, когда те заработок предлагают. И что в самом деле? Зажмуриться как следует и доставить человеку удовольствие. В конце концов для того и живем-с, чтобы друг друга радовать, а не только жилы рвать. Вот встретился незнакомый человек, а ты ему приятное. Тьфу! Но если бы не бабка, а помоложе кто-нибудь, продавщица, к примеру, толстая каких я на дух не переносу, было бы ясно от чего страдать, от жира и пота, но можно было бы и что приятное, наверное, найти, а тут извольте получить – старуха и попробуй откопать в ней что-то привлекательное. Не откопаешь никакими лопатами и даже бульдозером. Нет, ну а ты-то каков, уже что почти и согласился! Нет и еще раз нет!

А бабка все смотрит и за пальчик все держит и уже подергивает его, мол, пойдем касатик, чего ломаешься. А я не ломаюсь, я принципиально против противоестественных контактов. И никто никогда меня, порядочного человека, не переубедит.

Сколько же, однако, она готова билетиков, как говорили герои Достоевского выдать? А? Даже интересно, очень интересно, нет просто любопытно и ничего более. Надо же, я и бабка, наедине и в полном, так сказать, прелюбодеянии.

А ведь церква рядом и не боится. Вот бы кто меня сейчас из бывших сослуживцев увидал, вот бы посмеялся. Да и сам я готов смеяться, отчего же не рассмеяться, дико до слез, а может и крови на глазах. Когда такая история диковинная выходит, только и остается что смеяться и больше ничего. Над собой, ага, посмейся. Все люди как люди, деньги зарабатывают, а ты все мечтаешь, планы дикие, романтические строишь. И что от них толку, много ли нафантазировал? В кармане билетиков-то, как говорят герои Достоевского, раз два и обчелся и те женой, можно сказать, единоутробной выданы. А коли бы не супруга стал бы полным прощелыгой и окончательным пустым элементом. Так что ты еще должен старухе спасибо сказать, и обливаясь слезми, руки ей морщинистые целовать. Так-то. Так много ли платит? Говорит, от всей щедрой души, да сию формулу у старух не разгадаешь – или слезки муравьиные или даже подумать страшно. Можно ведь и постоянные услуги оказывать, на регулярной, так сказать, основе. Пальчик уже даже как-то по-особенному сжимает, прямо тут завелась, оторва, даром что при последнем царе крестилась.

«На мужа ты мого бывшего похож, приглянулся, – сказала бабка. – Пойдем что ли, тут не далече. Али не хочешь?». «Отчего же? – выдавил из себя я. – Отчего же и не пойти, когда зовут».

И пошел ведь за ней, на ногах не гнущихся, словно глиняных, а пошел! О, натура человеческая, не измерена еще

глубина твоей низости! Шел и смотрел ей в затылок и мысль сама пробивалась наружу, без всякого усилия – вот бы топор сейчас, как у Родиона Раскольникова, вот бы хрястнуть ей по темечку без всякого сожаления, чтоб кровища на всю округу! Какого порядочного человека смогла с пути истинного сбить, да что там сбить, просто погубить! Раз и навсегда, окончательно и бесповоротно.

А она идет, порой оступается, ойкает, тогда оборачивается и улыбается своей кажущейся милой улыбкой. Но меня-то не обманешь, я то знаю, что это маска наипритворнейшая, а под ней истинная злая личина. И ведь иду, хотя мог бы сто раз, тысячу раз убежать и надышаться свежим ветром где-нибудь за углом, на другой улице. Но не побежал, а брел обреченно, горя внутри страшным серным пламенем, выжигая себе последние здоровые внутренности. А как смотрели на меня ее приятельницы у подъезда! И видел я, что созерцают они меня с сожалением и укором, и в тоже время с пониманием – кто ж не согласится нынче заработать лишнюю копейку?

Я, я не соглашусь, для меня принципы важнее материальных благ и всяких глупых философий. Я не переступлю черту, которую переступил Раскольников, замаравшись о старуху. И какая разница, убил бы он ее или удовлетворил её похоть, а все равно бы погиб. Но я сильный, я выдержу, меня не возьмешь голыми руками.

«Очередной?» – ухмыльнулись соседки. «Ага», – только

и ответила бабка, пропуская меня в подъезд. Квартирка маленькая, чистенькая, вылизанная в каждом уголке, с белыми занавесочками и тюльками на столах и древних комодах. Запах пирогов, мытых окон и корвалола. А вот и кровать, довольно широкая, неужели здесь это и произойдет? О, подлая человеческая натура! Улететь бы прямо теперь в космос, что ли, на Марс, а то и в другую галактику. И как дальше-то станем, неужели должен буду созерцать ее вульгарное обнажение? Она заказчик, я исполнитель, ничего не поделаешь, как решит. Бежать, неприменимо бежать! А, может, не надо, раз пришел? Бабке, видать, многого не понадобится, хотя в сетях пишут, что встречаются такие, что и в девяносто лет трех коней замучают.

«Может, сначала чаю?» – спросила старуха снимая платок и обнажая три желтые волосинки на голове». Чаю, на водку раскошелиться было жалко, а сама золотые горы обещает. Впрочем, тут сколько водки не пей, все одно не поможет. «Не надо чаю, – прохрипел я, будто перед повешением, – приступим сразу. Зачем же тянуть. Где ванная?» «В ванну потом, – ответила бабка, – напервой тут делать будем».

Вот значит как, тут. Прямо с улицы извольте контактировать с немытым человеком. Трудно даже представить, что у бабки могло завестись от жары и сырости. Нет, уж увольте, непременно бежать или будьте любезны предложить мне и сами попользовать ванну, черт возьми. А иначе я не согласен. Или согласен? Сто бед один ответ.

«Не желаете ванной, – говорю, – ладно, но давайте уж приступим». «Какой нетерпеливый», – игриво сказала старушка и скрылась в смежной комнате, отгороженной массивными вишневыми шторами с кистями. Одну из них жевал черных кот.

Ушла и нет, а воображение рисовало самые страшные картины. Сейчас появится в короткой юбке и чулках с желтыми бантиками на каблуках. Бежать, непременно бежать!

«А много ли заплатите?» – по петушиному воскликнул я, не выдержав томительного ожидания. Но ответа не последовало. Справа из кухни, видимо, смежная комната с ней соединялась, появилась старуха с огромной портретной рамой в руках. «Помоги, милок, еле держу». «Что это?» «Портрет моего мужа Афанасия Петровича, погиб от чахотки, да признаться и пил без меры. Давно хотела повесить да дырку в стене сама просверлить не могу, вот за тобой сходила. Дрель там, под диваном». «Не понял». «Что же тут не понятного? Ты же шабашник?» «Нет». «А чего тогда у строительного магазина околачивался? Я вашего брата там постоянно нанимаю, то гардинку повесить, то плинтус починить, берете недорого, всё беженцы бог знает откуда. Денежкой какой ни какой вам помочь – грех лишний списать». «И все? Я хотел спросить, только для этого и приглашали?» «Тебе мало?»

С плеч свалилась Джомолунгма вместе с Эверестом. А я-то подумал! Милая, дорогая ты моя старушка, я тебе не только портрет твоего мужа повешу, но и тебя, стерву, вместе

с ним на стену приколочу! Что же ты со мной наделала! Ты же погубила меня, уничтожила сама того не понимая. Пропади ты пропадом вместе со своим алкоголиком Афанасием Петровичем, умершим от чахотки. Чтоб тебя черти на сто частей порвали и по белу свету разметали. Я же из-за тебя черту переступил. Убийство совершил, как Родион Раскольников, только убил не старуху (дьявол бы их всех побрал), а самого себя!

Соседки возле подъезда, прищулив пороссячы глазки, бросили мне в спину: «Быстро управился, молодец. Сразу видно, порядочный».

Черная кошка

Ну, с кем такое не бывает – идешь, а дорогу перебегают черная кошка? Наглая такая, облезлая. И у тебя сразу включаются тормоза – стоп, путь закрыт! Нет, понимаешь, конечно, что все эти приметы – язычество, пережиток прошлого, но ничего с собой поделать не можешь. Инстинкты сильнее разума и это абсолютно точно. И начинаются метания души – черт бы побрал эту хвостатую тварь... нет, я же современный, цивилизованный человек, я не то что в приметы, я и в бога-то верю через раз, когда прижмет. А тут кошка блохастая. Тьфу! Смешно даже и говорить... Смешно-то смешно, но кто-то внутри держит за горло железной рукой и шепчет: ишь какой умный, а ты не умничай, никто не знает сути и глубины мироздания и как в нем взаимосвязаны приметы и реальность. Ну сколько раз на себе проверял – уйдет перед носом автобус и дальше пути не будет и задуманное дело даже не продолжай. Тоже самое касается забытого телефона, кредитной карточки и внезапного расстройства желудка перед деловой встречей. Про оставленных дома перед рыбалкой червей и речи не идет. Будет удача? Как же, и не мечтай. Словом, как бы ты перед собой не выеживался, а приметы часто сбываются, как-будто кто-то тебе подсказывает что нужно делать, а о чем и не мечтай. Уехавший автобус или, там, троллейбус еще ладно, ничего, можно при-

нять во внимание, но реагировать на облезлого кота, отступить перед ним, к тому же когда тебя видят посторонние, очень уж стыдно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.